УДК 340.12 ББК 67.0

Е. М. ТЕРЕХОВ
Балаковский филиал
Саратовской государственной юридической академии»

E. M. TEREKHOV
Balakovo branch
Saratov state law academy

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОФИЦИАЛЬНОМ ТОЛКОВАНИИ ПРАВА: ЗА ИЛИ ПРОТИВ?

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE OFFICIAL INTERPRET OF LAW: FOR OR AGAINST?

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования искусственного интеллекта в области официального толкования норм права. Исследуются необходимые предпосылки для этого. Анализируется зарубежный опыт. Обращается внимание на статус и конкретные объемы использования искусственного интеллекта в официальном толковании права, включая закрепление соответствующих ограничений. Все это свидетельствует о том, что вопросы изучения возможностей использования искусственного интеллекта, как для всей юридической деятельности, так и для ее интерпретационной составляющей, являются актуальными. Основная цель исследования заключается в попытке поиска истины в вопросе о том, стоит ли использовать искусственный интеллект при осуществлении толкования норм права. Ключевой проблемой, обозначенной в представленном труде, выступает факт наличия как положительных моментов в анализируемом вопросе, так и определенных рисков, которые способны создать сложности в усвоении смысла норм права. Автор не только обозначает свое видение проблемы, но и про-

Abstract. The article considers the possibility of using artificial intelligence in the field of official interpret of legal norms. The necessary prerequisites for this are being investigated. The foreign experience is analyzed. Attention is drawn to the status and specific amounts of use of artificial intelligence in the official interpret of law, including the establishment of appropriate restrictions. All this indicates that the issues of studying the possibilities of using artificial intelligence, both for the entire legal activity and for its interpretative component, are relevant. The main purpose of the study is to try to find the truth about whether artificial intelligence should be used in interpret of legal norms. The key problem identified in the presented work is the fact that there are both positive aspects in the analyzed issue and certain risks that can create difficulties in assimilating the meaning of legal norms. The author not only outlines his vision of the problem, but also predicts the further development of the issue of using artificial intelligence in interpretation by taking into account the risks that arise in this regard. The prohibition on identifying

гнозирует дальнейшее развитие вопроса использования искусственного интеллекта в толковании посредством учета появляющихся, в этой связи, рисков. Особо подчеркивается запрет на отождествление искусственного интеллекта в качестве самостоятельного субъекта официального толкования права. По результатам исследования делается вывод о необходимости использования искусственного интеллекта в официальном толковании права и предлагается необходимая методика. Этому способствует практический потенциал искусственного разума, а также возможность оперативно решать смысловые задачи, несмотря на сопутствующие риски. Предлагаются конкретные шаги по внедрению искусственного интеллекта в процесс официального толкования права, предусматривающие минимизацию соответствующих рисков.

Ключевые слова: юридическая деятельность, правоинтерпретационная деятельность, толкование права, уяснение, разъяснение, интерпретационный акт, интерпретационная практика.

artificial intelligence as an independent subject of the official interpretation of law is particularly emphasized. Based on the results of the study, it is concluded that artificial intelligence should be used in the official interpretation of law and the optimal methodology for this is proposed. This is facilitated by the practical potential of artificial intelligence, as well as the ability to quickly solve semantic tasks, despite the associated risks. Concrete steps are proposed for the introduction of artificial intelligence in the process of official interpretation of law, providing for the minimization of relevant risks.

Keywords: legal activities, law-interpret activities, interpretation of law, clarification, explanation, interpretative act, interpretive practice.

ВВЕДЕНИЕ

В XXI веке активно развиваются информационные технологии — совершенствуются действующие, а также разрабатываются принципиально новые. Одним из наиболее известных их видов является искусственный интеллект, вокруг которого в последнее время собирается все больше сторонников и противников его использования в жизни человека.

Отдельные исследователи справедливо подчеркивают, что информационные технологии сегодня представляют собой перспективное направление развития [1, с. 72]. Доходит даже до того, что выдвигаются идеи выделения новой отрасли права, связанной с искусственным интеллектом [2, с. 63].

В этой связи можно вести речь о трансформации общественных отношений, их переходе на новый уровень развития [3, с. 134].

С одной стороны, сама идея использования искусственного интеллекта в деятельности человека, в том числе и юридической ее разновидности, направлена на получение блага — затрату минимального времени, в том числе минуя бюрократические издержки, для получения желаемого результата (оказания услуги). С этой позиции искусственный интеллект есть бесспорная польза, которую приобретают люди.

С другой стороны, практические аспекты реализации искусственного интеллекта в деятельности человека, в том числе и юридической ее разновидности, полны опасностей и непредсказуемости, с которыми человечество так или иначе уже столкнулось, а равно с тем, решение каких проблем нам только предстоит найти. С этой позиции недостаточная изученность искусственного интеллекта есть своеобразный вред, который окажет соответствующее влияние на нашу жизнедеятельность.

Для того, чтобы определиться с конкретными потребностями, удовлетворение которых может быть осуществлено через искусственный интеллект, важно проана-

лизировать предпосылки, наличие которых обуславливает степень и масштабы возможностей его применения в правовой сфере общества.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основе исследования лежит совокупность методов научного познания, использование которых позволяет раскрыть тему исследования, а также достичь заданных целей и задач. В частности, применение метода анализа способствует выявлению целостной картины о ситуации в сфере развития искусственного интеллекта. Применение метода прогнозирования способствует разработке модели искусственного интеллекта, способного оказать помощь в раскрытии смысла норм права, которая ранее не становилась объектом научного исследования. Применение системного метода позволяет выявить как положительные стороны использования искусственного интеллекта при реализации официального толкования норм права, так и возможные риски, которые этот процесс может нести в себе. Применение метода синтеза позволяет раскрыть значимость последующих усилий в рассмотрении возможности использования технологий искусственного интеллекта в правоинтерпретационной деятельности. Применение функционального подхода позволяет обозначить место искусственного интеллекта в системе инструментов официального толкования норм права.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Правовая сфера общества использует «на вооружении» серьезный арсенал различных средств, позволяющих наиболее оптимальным образом достигать целей правового регулирования. Разумеется, что искусственный интеллект, являясь по сути одним из таких инструментов, не может просто так, стороной, обойти область права, не оказав на нее никакого воздействия.

Со временем совокупность выработанных представлений об искусственном интеллекте в сфере права достигает серьезных масштабов вплоть до того, что отдельные исследователи допускают возможность формирования новой отрасли права — права искусственного интеллекта [4, с. 136–138]. Подобное положение дел позволяет некоторым лицам делать весьма спорные заявления о практически полном преобладании искусственного интеллекта над человеком в праве. Например, Г. Греф, проводя лекционное занятие в одном из российских высших учебных заведений «посоветовал будущим юристам «забыть» профессию, поскольку в наступившую цифровую эру их обязанности «значительно лучше» может выполнить компьютер»[1].

Оппонируя ему, М. Барщевский уточнил, что искусственный интеллект может и в принципе должен использоваться в праве, однако исключительно в тех ситуациях, когда речь идет о каких-то формализованных функциях, типовых делах. Если конкретно взятая ситуация требует детального анализа, а также исследования норм права при котором последние могут быть истолкованы неоднозначно, то разрешать ее надлежит исключительно людям, но никак не искусственному интеллекту, поскольку возникает серьезный риск допущения ошибок, которые окажут влияние на судьбу человека[2].

Подобные дискуссии не просто вызывают интерес к возможности использования искусственного интеллекта в праве, но и ставят ребром вопрос, в первую очередь, доверия к нему, которое является первичным в исследуемой нами проблематике. Очевидно, что от степени доверия будет

[1] Петров И. Герман Греф своей лекцией перед студентами взорвал Сеть // Российская газета. 2017. 25 июля.

[2] Петров И. Михаил Барщевский ответил Герману Грефу на слова о ненужности юристов // Российская газета. 2017. 25 июля.

зависеть, напрямую, масштаб возможного действия искусственного интеллекта в любом направлении правового использования, в том числе в области официального толкования норм права.

Доверие искусственному интеллекту и его использование в праве обладает такими достоинствами, как экономия времени, отсутствие коррупционных рисков, единообразие юридической деятельности, оперативность получения желаемого результата, работа с большими объемами информации. Собственно, для этих целей он и внедряется в правовую сферу общества. Его роль в достижении этих целей незаменима. Можно предположить, что по вышеуказанным достоинствам в работе, он превзойдёт по результативности человека, формируя практические итоги быстрее и качественнее. Однако нужно объективно понимать, что искусственный интеллект — это не только сплошные плюсы, это еще и минусы, о которых нужно всегда помнить и учитывать это, в погоне за столь желанным быстрым результатом, существенными из которых выступают ошибки, допущенные им.

Поскольку сегодня в России искусственный интеллект масштабно не так активно внедрен в систему права, полноценных данных об ошибках в его работе пока не имеется, присутствуют лишь отдельные, фрагментарные, моменты, которые становятся объектом анализа с постановкой итоговых выводов и выявлением причинно-следственной связи.

Тем не менее, его внедрение в правовую сферу общества стоит рассматривать все же как факт, безусловно, необходимый, что обусловлено потребностью в нем и тем положительным результатом, который он может приносить.

Стоит заметить, что в России разговоры об использовании искусственного интеллекта ведутся преимущественно в постановочном плане, не считая отдельных попыток внедрения его в разные сферы общества, в то время, как за рубежом уже имеется наработанный опыт в этом направлении. Исследование юридической практики в иностранных государствах показывает, что в них усиленно развиваются и внедряются в право технологии искусственного интеллекта.

Во Франции, искусственный интеллект инкорпорируется в область правосудия. Так, согласно плану цифровой трансформации, предусматривается создание «функциональной цифровой службы государственного правосудия, позволяющей (среди прочего) пользователям следить за движением дела в режиме онлайн» [5, с. 49]. Это упрощает правосудие для граждан и самого суда, а также дает возможность ускоренного анализа прецедентной практики. При этом искусственный интеллект решений о виновности или невиновности лица не выносит.

Чуть дальше пошли в Китае, анонсировав разработку так называемого «умного суда» при активном участии искусственного интеллекта. Искусственный разум способен уже сейчас исследовать большие объемы информации наряду с конкретными обстоятельствами дел, а также предоставлять на основе этого рекомендации судьям при отправлении правосудия[3]. Кроме того, делается ставка на перспективу, в которой вынесение судебных вердиктов будет возможным от лица искусственного интеллекта.

Аналогичная практика характерна и для Эстонии, где разработан робот-судья, который может выносить решения по наиболее простым категориям дел, что выступает огромным плюсом, существенно экономя время судей и позволяя рассмотреть большее количество дел[4].

В целом использование искусственного интеллекта в официальном толковании пра-

[3] Волков К. В Китае введут систему «умного суда» // Российская газета. 2021. 15 марта.

[4] Костыра А. Робот-судья уже не столь далекое будущее // Российская газета. 2019. 12 сентября.

ва должно учитывать те же тенденции, что и его общая реализация в праве, а также основываться на тех же предпосылках.

Однако и здесь имеется, как минимум, двухкомпонентная специфика, которую стоит учесть и руководствоваться в недалеком будущем при определении общей стратегии и конкретных объемов использования искусственного разума в официальной правовой интерпретации.

Первой особенностью выступает вопрос функциональной ориентации искусственного интеллекта в официальном толковании права.

В функциональной ориентации искусственного интеллекта целесообразно выделить 2 подхода. Согласно первому из них, искусственный интеллект может представлять систему, фактически способную заменить человеческий мозг, в том числе реализацию творческих функций, что в конечном счете будет способствовать выполнению задач, которые не по плечу обычным людям [6, с. 68-80]. Для такой системы характерно саморазвитие и самообучаемость. Например, самостоятельное решение искусственным интеллектом спора со всеми вытекающими правовыми последствиями. Согласно второму, искусственный интеллект может использоваться исключительно для осуществления отдельных задач [7, с. 198]. Например, анализ законодательства, регулирующего возникший правовой спор с целью его возможного использования человеком при разрешении последнего.

Для официального толкования норм права наиболее характерной является вторая точка зрения, поскольку нельзя допускать того, чтобы абсолютно все интерпретационные акты издавались посредством технологий искусственного интеллекта, делегируя ему данную работу в монопольном порядке. Если учесть факт того, что искусственный разум способен самообучению, что вполне вписывается в рамки первого подхода, то получится, что в конечном счете ключевые направления интерпретационной политики и основные тенденции официальной правовой интерпретации будет определять лишь он, отстранив от участия в этом человека, который по сути является основным субъектом толкования. Иными словами, будет отсутствовать вышестоящий интерпретационный контроль со стороны иных субъектов официального толкования права. Особенно актуально это в случае обжалования казуальных интерпретационных актов, например, издаваемых по запросам налогоплательщиков.

Исходя из этого, целесообразно ставить вопрос не о замене человека искусственным интеллектом в правовой интерпретации, а исключительно в оказании последнему помощи, законодательно устанавливая необходимые ограничения и запреты.

В пользу истинности использования искусственного интеллекта в официальном толковании норм права в качестве технологии, которая может оказаться действительно незаменимую поддержку в наиболее общих, распространённых ситуациях (таких как разъяснение смысла недавно принятого законодательства; уяснение смысла оценочных понятий; предоставление одиночных консультаций по типичным правовым вопросам и т.д.), а не полноценного субъекта, свидетельствует факт наличия ошибок, которые он допускает в работе. Так, в США в результате дорожно-транспортного происшествия из-за ошибки, допущенной искусственным разумом при управлении им автомобилем, погиб человек. Причиной ДТП стала некорректная работа сенсоров, которые отвечали за безопасность движения[5].

Второй особенностью выступает вопрос установления потенциального статуса искусственного интеллекта в официальном толковании права, поскольку именно от него будет зависеть ориентация и глубина

[5] Благовещенский А. Искусственный интеллект убил первогочеловека//Российскаягазета.2016.1июля.

нормативного правового регулирования данной области.

Искусственный интеллект при реализации официального толкования права должен иметь статус помощника, но никак не статус лидера. Именно от этой модели можно и нужно отталкиваться при принятии нормативных правовых актов, регламентирующих процессы работы искусственного интеллекта, а также последующее их использование в правоприменительной деятельности.

Искусственный интеллект никогда не заменит человека в официальном толковании норм права. Более того, ему также не будет определено доминирующее положение в процессе издания официальных правовых разъяснений. Данное утверждение имеет под собой следующие аргументы.

Во-первых, пунктом 19 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 4906 закреплены основные принципы развития и использования технологий искусственного интеллекта, среди которых гарантирована защита прав и свобод человека, в том числе одного из основополагающих прав - права на труд.

Во-вторых, своеобразие процесса официального толкования права сводится к тому, что это отнюдь не формальная деятельность, в ходе которой его субъекты публикуют результаты своего усмотрения в форме интерпретационных актов. Оно, как справедливо замечает Н.Н. Вопленко, представляет собой интеллектуально-волевую деятельность, влекущую конкретные юридические последствия [8, с. 10]. Это означает, что для профессионального занятия анализируемым видом деятельности требуются глубокие познания общего и специальных смыслов права, а также соответствующий опыт, который связывает их в единую систему. Случаи, требующие официальных правовых разъяснений, по своей конструкции бывают настолько не стандартными, а главное не прогнозируемыми, что сами субъекты толкования внимательно уясняют и детально разъясняют их значение, чтобы минимизировать риски допущения интерпретационных ошибок. Например, всем известно, что Пленум Верховного Суда РФ издает руководящие разъяснения по вопросам судебной практики, которые активно используются нижестоящими судами в отправлении правосудия. А теперь представим, что их издание исходит не от опытных судей, которые годами изучали и вникали в смысловую составляющую права, а от искусственного интеллекта, который работает, скорее всего, по заранее установленным шаблонам. При этом очевидно, что в них могут иметь место как банальные интерпретационные ошибки, так и возникать вопросы по поводу качества правовой интерпретации, но несмотря на это, судьи, по-прежнему, будут обязаны учитывать их в деятельности. Но смогут ли нижестоящие суды полноценно работать, используя такие акты толкования, ориентируясь на них при вынесении решения по делу? Думается, что вряд ли, во всяком случае не в ближайшей перспективе.

В-третьих, достаточно дискуссионным является вопрос о выделении искусственного интеллекта в качества субъекта официального толкования норм права. Некоторые исследователи допускают такую возможность, однако при этом, по их мнению, нужно учитывать область его использования; круг его прав, обязанностей и ответственности [9, с. 37]. При положительном решении вопроса о признании искусственного интеллекта самостоятельным субъектом официального толкования права понадобится в любом случае установление правовых ограничений, за которые он не сможет выйти. С дру-

[6] Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в РФ» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

гой стороны, зачем признавать искусственный интеллект самостоятельным субъектом официального толкования права, когда он может действовать от лица иного субъекта официального толкования права. Например, решил человек обратиться в органы ФНС России за предоставлением разъяснений налогового законодательства, а ответ ему был дан по смыслу интересующих его норм права искусственным интеллектом, который получил практическое воплощение в форме специальной программы, встроенной в информационный терминал. Логично, что в данной ситуации искусственный интеллект должен действовать от имени органов ФНС России, поэтому выделять его в качества самостоятельного субъекта официального толкования норм права нецелесообразно.

В-четвертых, многообразие способов официального толкования права и возможность его реализации через искусственный интеллект формирует в нас крайнюю осторожность за возможные будущие результаты. Так, одной из классификаций толкования права по объему, признанной в юридической науке, является подразделение его на буквальное, ограничительное, расширительное [10, с. 108]. Если с буквальным и ограничительным толкованием искусственный интеллект скорее всего справится без особых сложностей, то вот насчет расширительного имеются опасения. Дело в том, что даже Конституционный Суд РФ, прибегая к расширительному толкованию норм права, делает это обдуманно и всегда учитывает возможные последствия не только в отношении ясности самого смысла нормы, но и для беспроблемной работы механизма правового регулирования. Один только факт неверного использования расширительного способа толкования норм права искусственным разумом способен привести к дисбалансу в механизме правового регулирования, что приведет к появлению негативных правовых последствий. Здесь вообще возможно становление интерпретационного правотворчества — формирование и поддержка условий, в которых искусственный интеллект будет творить право под видом расширительного его толкования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог вышесказанному, отметим, что вопрос использования искусственного интеллекта в официальном толковании права — задача, требующая положительного решения. Этому способствует практический потенциал искусственного разума, а также возможность оперативно решать смысловые задачи, несмотря на сопутствующие риски. С учетом этого стоит обратить внимание на следующие шаги, которые стоит осуществить перед его внедрением в официальное толкование норм права.

Первым шагом на пути использования искусственного интеллекта в официальном толковании права является определение его статуса - он должен играть роль помощника, но никак не статус лидера, заменяющего иных субъектов официального толкования права. Статус должен служить ориентиром, от которого можно отталкиваться при последующем нормативном регулировании.

Вторым шагом на пути использования искусственного интеллекта в официальном толковании права является принятие нескольких нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу, причем среди них должен быть как федеральный закон, так и подзаконные акты, изданные в его исполнение. Такая схема актуальна в связи с тем, что область искусственного разума прогрессивно изменчива и наличие лишь одного федерального закона вряд ли сможет полноценно урегулировать такие общественные отношения, ведь жизнь всегда опережает право в развитии.

Третьим шагом на пути использования искусственного интеллекта в официальном толковании права является разработка и внедрение механизма контроля над результатами его работы. Это необходимо для исправления и предотвращения возможных интерпретационных ошибок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Милинчук Д. С.* Искусственный интеллект в праве: тенденции, угрозы и перспективы права на современном этапе развития общества // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2021. — № 7(238). — С. 70–76. — DOI 10.24412/2072-4098-2021-7-70-76. — EDN LLXAHU.
2. *Мишина Н. В.* Право искусственного интеллекта как новая сфера правового регулирования или новая отрасль права // Евразийский союз ученых. — 2020. — № 3-5. — С. 62–65. EDN: FEXOSJ.
3. *Полякова Т. А.*, *Камалова Г. Г.* Право искусственного интеллекта и его место в системе информационного права // Правовое государство: теория и практика. — 2021. — № 3. — С. 133–145. DOI: 10.33184/pravgos-2021.3.11.
4. *Мишина Н. В.* К вопросу о формировании новой отрасли права — право искусственного интеллекта // Сборник материалов XXI международной научно-практической конференции. Моррисвилл, — 2020. — С. 136–138. EDN: YRJEXD.
5. *Дюфло А.* Искусственный интеллект *по* французском праве // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 1 (77). — С. 47–55. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.84.8.077-086.
6. *Харитонова Ю.С.* Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта // Современные информационные технологии и право: монография. — М.: Статут, 2019. — С. 68–83.
7. *Шестак В. А.*, *Волеводз А. Г.* Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — № 2. — С. 197–206. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).197-206 EDN: SZXCZM.
8. *Вопленко Н. Н.* Официальное толкование норм права. — М.: Юридическая литература, 1976. — 118 с.
9. *Украинский Р. В.* Искусственный интеллект как субъект права // Законодательство. — 2022. — № 8. — С. 36–37. EDN: IMZKTJ.
10. *Пиголкин А. С.* Толкование нормативных актов в СССР. — М.: Госюриздат, 1962. — 166 с.

REFERENCE

1. *Milinchuk D.S.* Iskusstvennyj intellekt v prave: tendencii, ugrozy i perspektivy prava na sovremennom jetape razvitija obshhestva // Imushhestvennye otnoshenija v RF. [Artificial intelligence in law: trends, threats and prospects of law at the present stage of society development] // Property Relations in the Russian Federation, 2021, No. 7, pp. 70–76. DOI: 10.24412/2072-4098-2021-7-70-76 EDN: LLXAHU.
2. *Mishina N.V.* Pravo iskusstvennogo intellekta kak novaja sfera pravovogo regulirovanija ili novaja otrasl' prava [Artificial intelligence law as a new area of legal regulation or a new branch of law] // The Eurasian Union of Scientists, 2020, No. 3-5, pp. 62–65. EDN: FEXOSJ.
3. *Poljakova T.A., Kamalova G.G.* Pravo iskusstvennogo intellekta i ego mesto v sisteme informacionnogo prava [The law of artificial intelligence and its place in the information law system] // The legal state: theory and practice. 2021. No. 3. pp. 133-145.: theory and practice, 2021, No. 3, pp. 133–145. DOI: 10.33184/pravgos-2021.3.11.
4. *Mishina N. V.* K voprosu o formirovanii novoj otrasli prava — pravo iskusstvennogo intellekta [To the question of the formation of a new branch of law - the law of artificial intelligence] // Collection of materials of the XXI International Scientific and Practical Conference. Morrisville, 2020. pp. 136–138. EDN: YRJEXD.

5. *Djuflo A.* Iskusstvennyj intellekt po francuzskom prave [Artificial intelligence in French law] // Bulletin of the O.E. Kutafin (MSUA), 2021, No. 1 (77), pp. 47–55. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.84.8.077-086.
6. *Haritonova Ju. S.* Pravovoj rezhim rezul'tatov dejatel'nosti iskusstvennogo intellekta [Legal regime of the results of artificial intelligence activity] // Modern information technologies and law: monograph. M.: Statute, 2019, 68–83 p.
7. *Shestak V. A., Volevodz A. G.* Sovremennye potrebnosti pravovogo obespechenija iskusstvennogo intellekta: vzgljad iz Rossii [Modern needs of legal support of artificial intelligence: a view from Russia] // All-Russian criminological journal, 2019, No. 2, pp. 197–206. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).197-206 EDN: SZXCZM.
8. *Voplenko N. N.* Oficial'noe tolkovanie norm prava [Official interpretation of the rules of law]. M.: Legal Literature, 1976. 118 p.
9. *Ukrainskij R. V.* Iskusstvennyj intellekt kak sub#ekt prava [Artificial intelligence as a subject of law] // Legislation, 2022, No. 8, pp. 36–37. EDN: IMZKTJ.
10. *Pigolkin A. S.* Tolkovanie normativnyh aktov v SSSR [Interpretation of normative acts in the USSR]. M.: Gosjurizdat, 1962, 166 p.

Информация об авторе

ТЕРЕХОВ ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии, г. Балаково, Россия
e-mail: terehov1989@yandex.ruu

About the author

EVGENIY M. TEREKHOV
candidate of juridical sciences, associate professor, associate professor department of state and legal disciplines, Balakovo branch Saratov state law academy, Balakovo, Russia
ORCID ID 0000-0002-3510-1077

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; одобрена после рецензирования 23.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted 02.06.2025; approved after reviewing 23.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.